

18+

Алексей Готов

Ремонт по любви

Алексей Готов

Ремонт по любви

«Издательские решения»

Гротов А.

Ремонт по любви / А. Гротов — «Издательские решения»,

В баварском городке, где дождь стирает границы между прошлым и настоящим, встречаются двое: угрюмый ремонтник, чинящий чужие сломанные судьбы, и писательница, создающая миры на бумаге. Их случайное знакомство перерастает в нечто большее — но прошлое, полное тайн и ошибок, не отпускает. Когда их дети обнаруживают, что уже давно связаны друг с другом, жизни четырёх людей переплетаются в тугой узел.

© Гротов А.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. НАПРЯЖЕНИЕ В СЕТИ	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ремонт по любви

Алексей Готов

© Алексей Готов, 2026

ISBN 978-5-0071-1263-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. НАПРЯЖЕНИЕ В СЕТИ

Глава 1

Ландау-на-Изаре, октябрь. Дождь зарядил с утра, как будто кто-то пробил небесный картридж.

Мастерская Клауса Вебера ютилась между булочной и аптекой на Грюнвальдштрассе. Снаружи — ржавая вывеска «Компьютерный доктор», внутри — запах озон, пыли и растворителя. Клаус любил этот запах. Он был честным. В отличие от людей, техника не врала: если транзистор сдох — он сдох, если контакты окислились — их надо чистить.

Он сидел за верстаком с лупой на глазу, вгрызаясь в материнскую плату какого-то древнего ноутбука. Пальцы — крупные, в царапинах, но невероятно точные. Когда-то жена говорила, что у него руки хирурга, а он говорил, что хирурги не умеют паять. Теперь жена жила в Гамбурге с дантистом, а Клаус остался с дочерью Леной, котом и долгами за аренду.

Дверной колокольчик звякнул — не мелодично, а хрипло, потому что Клаус так и не починил пружину.

— Закрето! — рявкнул он, не поднимая головы. — Технический перерыв!

— У вас на двери написано «Открито до восьми», — ответил женский голос. Низкий, с лёгкой хрипотцой, как будто его обладательница только что проснулась или курила всю жизнь, хотя Клаус сразу понял — не курит. Слишком чистая интонация.

Он снял лупу, повернулся и замер.

В дверях стояла женщина. Лет тридцати восьми, с мокрыми тёмными волосами, которые она небрежно закрутила в пучок, но пара прядей прилипла к виску. На ней был мужской твидовый пиджак, под ним — простая белая рубашка, расстёгнутая на две пуговицы. В руках она держала потрёпанный лазерный принтер, и на пальцах чернели разводы тонера.

— Он не печатает, — сказала она, ставя принтер на прилавок с таким видом, будто сдаёт в ремонт не технику, а провинившегося ребёнка. — Только полосы. Чёрные, вертикальные. Я уже меняла картридж, но это не помогло.

Клаус хмыкнул. Он никогда не признавал клиентов, которые лезли в технику до него.

— Какой картридж? Оригинал или подделка?

— Оригинал, — она посмотрела ему прямо в глаза. Серые, с зелёными крапинками. В них читалось спокойствие и одновременно лёгкое бешенство — как у человека, который привык писать романы, где всё подчиняется её воле, а тут вдруг реальность решила выпендриться.

— Оригиналы тожедохнут, — буркнул Клаус, вставая. Он был выше её на голову, широкий в плечах, с начинающейся сединой на висках и вечным недовольством во взгляде. В девике, который он так и не снял, он походил на медведя, которого разбудили зимой.

Он подошёл к принтеру, наклонился, и его плечо задело её грудь. Случайно? Или нет? Он не разобрался, но почувствовал, как она чуть отстранилась, но не слишком. Слишком медленно.

— Посмотрим, — сказал он, стараясь не дышать её запахом. От неё пахло мокрой шерстью, книгами с пожелтевшими страницами и, кажется, корицей. Чёрт, почему он это заметил?

Он открыл крышку принтера. Грязно. Фотобарабан в полосах, а ролик забит бумажной пылью. Это не картридж, это халатность.

— Вы никогда не чистили его внутри, — констатировал он, даже не спрашивая.

— Я писатель, а не техник, — парировала она. — Моя задача — создавать миры, а не копаться в ваших... деталях.

Она чуть задержалась на слове «деталях» — и Клаусу показалось, что в её голосе появилась усмешка. Он поднял голову и встретился с ней взглядом. Она не отвела глаз. Секунду они смотрели друг на друга: он — с прищуром, она — с лёгкой улыбкой, которая не касалась губ, а пряталась где-то в уголках глаз.

— Меня зовут Эмма, — сказала она, протягивая руку — ту, что была испачкана тонером. — Эмма Винтер. Я живу через два дома. Печатаю новый роман, а он решил меня забастовать.

Клаус посмотрел на её ладонь. Тёмные пятна на коже, подушечки пальцев в микротрещинах. Он вдруг представил, как эти пальцы держат ручку, как касаются клавиш. Или как они могут касаться его.

Он не взял её руку. Вместо этого он достал из ящика влажную салфетку и протянул ей.

— Сначала вымойтесь. Потом поговорим.

Эмма моргнула, а затем громко рассмеялась. Смех был низкий, грудной — и в этом звуке не было обиды, только искреннее удивление.

— Вы всегда такой любезный?

— Только с женщинами, которые пачкают мне прилавок, — ответил Клаус, но в его голосе уже не было прежней грубости. Только защитная колючка, за которой он спрятал лёгкое замешательство. Потому что, чёрт возьми, она ему понравилась. Сразу. С первой фразы. А он этого совсем не хотел.

Она взяла салфетку, но вытирать не стала — сунула в карман пиджака.

— Я заплачу, сколько скажете. Мне нужно, чтобы он работал завтра к вечеру. У меня дедлайн.

— Завтра? — Клаус фыркнул. — Там блок питания может сыпаться, фотобарабан надо менять, и, возможно, лазерный сканер сбился. Минимум три дня.

— Тогда я приду завтра сама, — сказала она, и в её голосе появился вызов. — Принесу вам кофе. И штрудель из пекарни напротив.

Она развернулась и направилась к выходу, не дожидаясь ответа. На пороге обернулась и бросила через плечо:

— Я буду в три. И, кстати, руки я помыла перед выходом. Это не грязь, это творчество.

Дверь хлопнула. Колокольчик жалобно звякнул.

Клаус остался стоять у прилавка, глядя на пустую дверь. Принтер на столе пах типографской краской — и этим же запахом от неё пахло. Он сжал челюсти, заставил себя вернуться за верстак, взял плату, но не видел ни одного контакта. Перед глазами стояли её серые глаза с зелёными крапинками.

Твою мать, подумал он. Только не это.

Он покосился на телефон — на экране светилось фото дочери Лены, которая сейчас наверняка сидела в библиотеке. Или где она там сидела? Он вдруг осознал, что уже месяц не спрашивал, как у неё дела.

Ты стареешь, Вебер, — сказал он себе. — И у тебя проблемы с фокусом.

Но он уже знал, что завтра в три часа он будет ждать. И что он даже купит эту чёртову чашку для кофе, которую так и не выбросил, потому что привык пить растворимый из жестяной кружки.

А принтер — принтер он починит к завтрашнему утру. Даже если придётся не спать. Потому что если она придёт, а аппарат не заработает, у него не будет повода её задержать.

Клаус вздохнул, включил паяльник и начал разбирать принтер с такой яростью, с какой обычно чинят то, что нельзя сломать — потому что оно уже сломанное, как и его спокойная, предсказуемая жизнь.

За окном дождь перестал. Над Изаром выглянуло солнце — холодное, осеннее, — и Клаусу показалось, что оно светит только ради того, чтобы осветить дорогу женщине с тёмными волосами и запахом корицы.

— Придёт, — пробормотал он. — Придёт, идиотка.

Он даже не знал, кому это сказал — ей или себе.

Конец первой главы.

Глава 2

В то же самое время, в квартире на Оберштрассе, номер 14, Феликс Винтер пытался объяснить своей девушке, почему его мать не должна знать правды.

— Она убьёт меня, — сказал он, откидываясь на спинку старого дивана. — Она не убивает в своих книгах, но в жизни — запросто. Ты её не знаешь.

Лена Вебер сидела на полу, скрестив ноги, и перебирала его виниловые пластинки. Ей было девятнадцать, она носила короткую стрижку цвета воронова крыла, серьгу в левом ухе и вечно вздёрнутый подбородок. В отличие от отца, который только и умел, что ворчать, Лена умела молчать так, что от этого молчания хотелось говорить правду.

— Мы встречаемся уже одиннадцать месяцев, Феликс, — сказала она, не поднимая глаз. — Я даже не знаю, как зовут твою мать. Ты сказал — Эмма. Всё.

— Потому что если я скажу больше, ты начнёшь её искать в интернете, а потом случайно встретишься, и она поймёт, что ты — дочь того типа, который чинит принтеры!

Феликс был на два года старше, учился на музыканта, играл на гитаре и искренне верил, что жизнь должна звучать как джаз — непредсказуемо, но с правильными аккордами. Сейчас аккорды звучали фальшиво.

Лена наконец подняла голову. В её взгляде была нежность, но и сталь — та самая веберовская сталь, которую Клаус передал дочери вместе с лысиной и упрямством.

— Ты боишься, что она узнает? Или что она запретит?

— Я боюсь, что она скажет: «Феликс, ты встречаешься с дочерью того хамоватого ремонтника, который смотрел на мою грудь, когда я принесла принтер?» — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

Лена положила пластинку обратно в конверт и подползла к нему. Села рядом, положила голову ему на колено. Он машинально начал перебирать её волосы.

— Мой отец, — сказала она тихо, — последний раз приглашал женщину на свидание, когда мне было двенадцать. И та женщина была его бывшая жена. Он даже не умеет флиртовать. Поверь, твоя мать в безопасности.

— Она писательница, — вздохнул Феликс. — Она из всего делает сюжет. Если она узнает, что я год скрывал от неё отношения, она напишет об этом роман. И все соседи будут знать.

Лена села, посмотрела на него серьёзно.

— Тогда давай признаемся. Ей. И моему отцу. Вместе. Завтра. Или послезавтра. Мы уже взрослые.

Феликс долго молчал. Потом взял её за руку, переплёл пальцы.

— Давай через неделю. Когда я допишу этот чёртов этюд. И когда мама сдаст рукопись. Она тогда добрее.

Лена кивнула, но в глубине души знала: через неделю он придумает ещё одну причину. А она, дура, будет ждать. Потому что любила. И потому что боялась сказать отцу, что её парень — сын женщины, с которой тот, возможно, даже не поздоровается при встрече.

В её голове отец и мать Феликса казались двумя параллельными линиями, которые никогда не пересекутся. И это успокаивало.

Клаус не спал до двух ночи.

Он разобрал принтер, прочистил каждую деталь, заменил фотобарабан старым, но рабочим, который валялся в ящике с маркировкой «на всякий случай». Запаял один контакт, который мог бы продержаться ещё год, но ему хотелось перестраховаться. Принтер заработал с первого раза — идеально, без единой полосы.

Он сел на табурет, взял жестяную кружку с остывшим кофе и уставился на чёрный корпус аппарата.

Она придёт завтра. В три. С кофе и штруделем.

Клаус вдруг осознал, что за последние пять лет никто не приносил ему еду. Кроме Лены, но она приносила пиццу и уходила в свою комнату, хлопая дверью. А тут — незнакомая женщина, которая сказала, что её пальцы в тонере — это творчество. И он, чёрт побери, хотел увидеть эти пальцы снова.

Он провёл ладонью по лицу, чувствуя щетину. Надо было бриться. И что-то сделать с этой дурацкой вывеской. И выкинуть старую кружку, на которой облезла надпись «Bier ist mein Betriebssystem».

Но вместо того, чтобы что-то менять, он залез в телефон, открыл чат с дочерью и написал:

«Ты завтра дома?»

Лена ответила через минуту:

«Нет. У меня... проект. Буду поздно. Пап, ты чего?»

«Ничего. Проверяю, живёшь ли ещё».

Он отправил это и выключил экран. Лена не отвечала, и Клаус знал почему: она терпеть не могла его иронию, когда он пытался быть заботливым. Она привыкла к его молчанию.

Мне сорок один, — подумал он. — У меня дочь, кот, долги и ремонтная мастерская. И я жду, как подросток, когда какая-то женщина принесёт мне штрудель. Идиот.

Он лёг на диван в мастерской, накрылся пыльной курткой и закрыл глаза. Перед ними всё ещё стояли её серо-зелёные глаза. И этот смех — низкий, с хрипотцой.

— Ты создаешь миры, — прошептал он в темноту. — А я чиню то, что люди сломали. Может, мы оба ремонтники.

На следующий день в ровно три часа — ни минутой раньше, ни позже — дверной колокольчик снова хрипло звякнул.

Кlaus поднял голову от верстака, где он специально делал вид, что занят каким-то старым монитором.

Эмма стояла на пороге. Сегодня без принтера. В одной руке — две бумажные чашки с кофе, в другой — свёрток, из которого торчал край штруделя. Она была в тёмно-синем пуловере, немного великоватом, с высоким воротом, и мокрые волосы снова выбивались из пучка.

— Я пришла проверить, — сказала она, — не сбежал ли мой принтер в другую мастерскую.

Кlaus усмехнулся, на этот раз беззлобно.

— Он на месте. И он работает. Но я не гарантирую, что он будет печатать ваши романы быстрее, чем вы их пишете.

Эмма поставила кофе на прилавок, положила свёрток рядом, и наклонилась, чтобы заглянуть в принтер. Её волосы упали вперёд, и Klaus увидел её шею — тонкую, с едва заметным родимым пятном чуть ниже уха.

— Невероятно, — сказала она, выпрямляясь. — Вы — волшебник.

— Я просто паяльник, — буркнул он, беря чашку. — Сколько я должен?

— Мой штрудель, — сказала она, и улыбнулась так, что у Klausа пересохло во рту, — я купила в награду. А за работу... вы назовите цену. Я заплачу.

Он назвал цену, которая была почти вдвое ниже рыночной, и она не стала спорить. Достала кошелек, положила деньги, а затем вдруг задержалась, глядя на него.

— Хотите знать, о чём мой новый роман? — спросила она.

— Не особенно, — соврал он.

— О женщине, которая чинит старые вещи. И встречает мужчину, который любит ломать всё новое.

Кlaus замер. Она не шутила, он видел это по глазам. Она писала его. Или не его, но какую-то его часть.

— Звучит глупо, — сказал он, пытаясь спрятаться за кружкой.

— Звучит жизненно, — ответила она. — И, кстати, вы не пригласили меня на свидание.

Он поперхнулся кофе. Никто не говорил так прямо. Никто.

— А вы бы согласились? — выпалил он, прежде чем мозг успел затормозить язык.

Эмма взяла свой принтер, ловко закинула его на бедро, и уже у дверей обернулась.

— Я подумаю, — сказала она. — Но если что, я знаю, где вас найти.

Колокольчик звякнул снова. Она ушла.

Клаус остался стоять с чашкой в руке и смотрел на дверь, как дурак. Запах корицы ударил в нос, и он вдруг понял, что улыбается.

А через два квартала, в своей квартире, Эмма Винтер поставила принтер на стол, включила его, и тот заработал с идеальной тишиной.

Она достала телефон и написала Феликсу:

«Сынок, я сегодня ужинаю вне дома. Не жди».

И не добавила ни слова о мужчине с руками хирурга и взглядом, в котором было больше вопросов, чем в её черновиках.

Конец второй главы.

Глава 3

Через три дня после того, как Эмма забрала принтер, Клаус понял, что болен.

Он не мог сосредоточиться. Два клиента принесли ноутбуки с битыми экранами, и он едва не перепутал заказы. Один раз он налил растворимый кофе в чайник с водой для пайки и только чудом не включил его. Кот, старый рыжий толстяк по кличке Микки, сидел на подоконнике и смотрел на хозяина с нескрываемым презрением.

— Не смотри так, — буркнул Клаус, помешивая ложечкой в кружке. — Я в порядке.

Микки моргнул, лизнул лапу и отвернулся.

В три часа дня, как по расписанию, дверной колокольчик хрипнул. Сердце Клауса сделало кульбит, но на пороге стояла не Эмма — почтальон с квитанцией. Клаус забрал бумажку, поблагодарил сквозь зубы и выбросил её в мусорное ведро, даже не посмотрев, что там.

Она сказала «я подумаю». Это не значит «да». Это вежливый способ сказать «нет». Ты же мужик, Вебер. Соберись.

Но он не собирался. Вместо этого он открыл старый, запылённый ноутбук, который держал для личных дел, залез в интернет и вбил в поиск: «Эмма Винтер писательница».

Выпало больше, чем он ожидал. Три романа. Один из них — бестселлер, если верить рейтингам. Два — психологические драмы, один — исторический детектив. На всех обложках — сдержанная типографика, ни одной фотографии автора. Только короткая биография: «Эмма Винтер живёт в Баварии, пишет о людях, которые не боятся ломать себя».

— Ломать себя, — прошептал Клаус, глядя на экран. — А я их чиню. Какая ирония.

Он закрыл ноутбук и решил, что это бред. Она — успешная писательница, он — ремонтник с долгами. У неё — сын музыкант, у него — дочь-бунтарка. Они из разных миров.

А затем его телефон завибрировал.

Неизвестный номер. Текст:

«Привет. Это Эмма. Я взяла ваш номер у того парня из булочной, вы ему чинили кассу. Он сказал, что вы отдавали визитку. Надеюсь, вы не против».

Клаус смотрел на экран, и его пальцы дрожали. Он не отвечал две минуты. Потом пять. Потом начал набирать ответ, стирал, снова набирал.

Наконец отправил:

«Я уже забыл, как вы выглядите».

Он хотел быть дерзким. Ироничным. Абсолютно спокойным. Но ответ пришёл мгновенно:

«Врёте. Я помню, как вы смотрели на мою шею, когда я наклонялась над принтером».

Он выдохнул, как будто его ударили под дых. Она тоже это заметила. Она всё замечала. И, чёрт возьми, она флиртовала.

Клаус набрал:

«Это был профессиональный интерес. Я искал, не заляпан ли тонером воротник».

Эмма:

«А вы оказались поэтом».

Он не выдержал и рассмеялся в голос. Микки вздрогнул и уставился на хозяина, как на сумасшедшего.

«Завтра вечером, — написал он. — Я свободен после шести. Есть одно место. Тихое. Без принтеров».

Ответ пришёл через минуту:

«Я согласна. Но если там будет хотя бы один компьютер, я развернусь и уйду».

Он сбросил ей адрес ресторана. Маленький итальянский дворик на окраине, где хозяин знал Клауса в лицо и никогда не задавал лишних вопросов. Туда он водил женщин только дважды в жизни: в двадцатипятилетнем возрасте — будущую жену, и в сорок лет — никого. До сегодняшнего дня.

В тот же вечер, в квартире на Оберштрассе, Лена сидела на кровати Феликса и смотрела на его мать, которая стояла в дверях с телефоном в руке и странной улыбкой на лице.

— Мам, — сказал Феликс, пытаясь прикрыть Лену плечом, хотя она сидела неподвижно. — Мы просто... слушали музыку.

— Я вижу, — ответила Эмма, и её взгляд скользнул по девушке с короткой стрижкой и серьгой в ухе. Лена не отвела глаз. Это Эмме понравилось.

— Ты не говорил, что у тебя гости, — сказала Эмма, но в голосе не было упрёка. Только любопытство. Профессиональное, как она считала.

— Это Лена, — выдавил Феликс. — Моя подруга.

Лена встала с кровати, поправила джинсовую куртку и шагнула вперёд.

— Мы встречаемся уже год, фрау Винтер. Извините, что мы не сказали раньше. Я хотела, чтобы вы знали.

Эмма подняла брови. Год. Целый год. Сын, который вечно был закрыт, спрятал от неё девушку.

— Я не злюсь, — сказала Эмма медленно. — Я удивлена. Но не злюсь. Ты... — она посмотрела на Лену, вглядываясь в её лицо. Что-то в чертах этой девушки показалось ей смутно знакомым. Но она не могла понять, что именно.

— Ты дочь того человека, который чинит компьютеры? — спросила Эмма, и её голос дрогнул.

Лена застыла.

— Откуда вы знаете?

— Я была у него на днях, — сказала Эмма, и в её голове с громким щелчком сложилась мозаика. — С принтером.

Феликс побледнел. Лена перевела взгляд с матери на сына, потом обратно.

— Вы знакомы? — спросила Лена, и её голос стал холодным, как у отца в моменты опасности.

— Мы... — Эмма запнулась. — Мы просто общались по делу.

Но она уже знала. И ей стало одновременно смешно и страшно. Её сын встречается с дочерью Клауса. Тот самый Клаус, которому она написала сегодня, который ждёт её завтра в ресторане.

Господи, — подумала Эмма. — Мы две семьи, которые даже не знают, что они — одна.

— Я должна идти, — сказала она, пятясь из комнаты. — Мне нужно... писать. Спокойной ночи.

Она закрыла дверь, прижалась к ней спиной и прикрыла глаза. В голове роились вопросы. Но один бил сильнее всех:

«Если я пойду завтра на свидание с Клаусом, а наши дети узнают — что будет?»

Она достала телефон и набрала Клаусу:

«Завтра в семь. Я буду».

Она не отменила. Потому что знала: если отменит сейчас, никогда больше не решится. А её сын уже взрослый. И Лена была похожа на отца — та же сталь в глазах, тот же упрямый подбородок.

Эмма усмехнулась и прошептала в пустоту:

— Ну, здравствуй, новая глава.

Конец третьей главы.

Глава 4

Суббота. Дождь снова зарядил с утра, как будто октябрь решил окончательно утопить Ландау-на-Изаре в серости. Но Клаусу было плевать.

Он стоял перед открытым шкафом в своей спальне — маленькой комнате с голыми стенами, кроватью, которую он не заправлял никогда, и горой одежды на стуле. Занавески он снял три года назад и так и не повесил новые. Теперь в окно лил дождь, и тени на полу казались ему живыми упрёками.

— Что, чёрт возьми, надевают на свидания? — спросил он у Микки, который сидел на подоконнике и умывался с видом глубокого безразличия.

Кот мотнул хвостом.

Клаус перебрал три рубашки. Первая — клетчатая, потёртая на локтях. Вторая — чёрная, официальная, в которой он был на похоронах матери. Третья — серая фланелевая, самая мягкая, но на ней выцветший логотип какой-то технической конференции 2008 года.

— Рубашка с конференции? — прошептал он. — Она подумает, что я псих.

Он остановился на серой фланелевой. Потому что она была удобной. И потому что ему казалось, что Эмма — та женщина, которая оценит комфорт, а не показуху. По крайней мере, он на это надеялся.

Он побрился. Впервые за две недели без пропусков, и даже порезал щёку от волнения. Приложил к ранке бумажку, посмотрел на себя в зеркало. Серые виски, мешки под глазами, нос с горбинкой — в тридцатке он ещё был красавцем, в сорок стал похож на повидавшего жизнь медведя. Но что-то в его взгляде изменилось: вместо привычной усталости — странный блеск.

— Ты старый дурак, — сказал он своему отражению. — Она писательница. Она пишет про таких, как ты. Ты просто материал для книги.

Он надел куртку — ту самую, в которой ходил пятнадцать лет. На неё не капал дождь, и она пахла кожей и мастерской. Пахла им.

Выходя из дома, он столкнулся в подъезде с Леной. Она возвращалась с ночёвки — с растрёпанными волосами, в свитере, который был явно не её (слишком велик и с дыркой на локте). Клаус обычно не замечал таких мелочей, но сегодня заметил.

— Ты где была? — спросил он, придерживая дверь.

— У подруги, — ответила Лена, не глядя на него.

— Вчера был дождь, куртки нет. Ты замёрзла.

— Я в порядке, пап. — Она наконец подняла глаза и удивлённо посмотрела на него. — Ты побрился? И куда это ты в такой вечер?

Клаус замялся. Сказать дочери, что идёт на свидание, — значило открыть ящик Пандоры. Она начнёт расспрашивать, кто она, сколько лет, есть ли у неё дети, пьёт ли она. И Клаус не был готов к этому допросу.

— Встречаюсь с клиентом, — соврал он. — У него проблемы с сервером.

Лена прищурилась. Она знала его ложь — этот лёгкий дёргающийся глаз и слишком быстрый ответ.

— Сервер? В субботу вечером?

— Крупный клиент, — отмахнулся Клаус и, чтобы не углубляться, поцеловал её в лоб. — Не жди меня. И поешь, в холодильнике есть запеканка.

Лена уставилась на него, как на инопланетянина. Он никогда не целовал её в лоб. И никогда не интересовался, ела ли она. Она открыла рот, чтобы сказать что-то язвительное, но Клаус уже исчез за дверью, и его тяжёлые шаги застучали по лестнице.

Она осталась стоять в коридоре, сжимая в руках чужой свитер Феликса, и впервые за долгое время ей стало по-настоящему любопытно: что происходит с её отцом?

Ресторан «Пикколо» находился на тихой улочке, где даже местные бывали редко. Клаус пришёл на двадцать минут раньше, сел за столик у окна, заказал минералку и уставился в окно. Дождь стучал по старым черепичным крышам, и в свете фонарей капли казались золотыми.

Он ждал. И боялся, что она не придёт.

Но в 19:03 она вошла.

Эмма была в чёрном платье — простом, до колен, с длинными рукавами и глубоким вырезом на спине. Волосы она распустила, и они падали на плечи тёмными волнами. Без пучка она выглядела моложе, мягче, и Клаус на секунду забыл, как дышать.

Она подошла к столику, улыбнулась — той самой улыбкой, которая пряталась в уголках глаз.

— Вы пришли, — сказала она, садясь напротив. — А я думала, что вы передумаете.

— Я всегда прихожу, если обещал, — ответил он, стараясь не смотреть на открытую линию её спины, которую он только что заметил, когда она поворачивалась. — Но я не думал, что вы так оденетесь.

— Это плохо?

— Это... — он запнулся. — Это хорошо. Очень.

Она засмеялась — тихо, почти интимно. — Вы умеете делать комплименты, Клаус. Как я и думала.

— Я не умею, — честно сказал он. — Я просто говорю правду.

Она наклонила голову, изучая его. Серая рубашка, куртка, которую он снял и повесил на спинку стула, шрам на подбородке от недавнего бритья. Она видела всё это и улыбалась ещё шире.

— Вы нервничаете, — заметила она. — Ваши пальцы барабают по столу.

Он посмотрел на свои руки и одёрнул их. Чёрт, она опять заметила.

— Я не хожу на свидания, — сказал он. — Я давно не ходил.

— Я тоже, — призналась она, и в её голосе проскользнула уязвимость. — Мой бывший муж, отец Феликса... мы развелись семь лет назад. С тех пор я была одна.

— Феликс, — повторил Клаус. — Сын. Он музыкант, да?

Она удивлённо подняла брови. — Откуда вы знаете?

— Вы говорили, что он играет на гитаре. В прошлый раз, когда вы приносили принтер, вы упомянули, что его концерт помешал вам доделать главу.

Эмма замерла. Она действительно упомянула это? Она не помнила. Но он запомнил. Он запомнил каждое её слово, даже те, которые она бросила вскользь.

— Вы внимательный, — тихо сказала она.

— Я ремонтник, — улыбнулся он. — Привык искать мелкие детали, которые все пропускают.

Она долго смотрела на него, и что-то в её взгляде изменилось. Стало мягче. Теплее.

— Расскажите мне о своей дочери, — попросила она. — Вы тоже воспитали её один?

Клаус вздохнул, откинулся на спинку стула. Он никогда не говорил о Лене с посторонними. Но сейчас, глядя в эти серые глаза, ему вдруг захотелось.

— Она трудная, — сказал он. — Упрямая. Спит до полудня, слушает странную музыку, красит волосы в чёрный. Но она умная, чёрт возьми. Умнее меня. И я ей нужен, но я не знаю, как быть нужным.

— Вы справляетесь, — сказала Эмма, и её ладонь легла на его руку — легко, почти невесомо. — Я вижу это по вам.

Он опустил взгляд на её пальцы. Чистые. Без тонера. Без трещин. Она сегодня не писала. Сегодня она была только для него.

И в этот момент его телефон в кармане завибрировал. Он хотел не обращать внимания, но вибрация повторялась — настойчиво, как будто что-то срочное.

— Извините, — сказал он, вытаскивая телефон. На экране — сообщение от Лены: «Пап, ты не поверишь. Я хочу тебе кое-что сказать. Это важно. Но только когда ты вернёшься. И, пожалуйста, не злись заранее. Целую».

Клаус нахмурился. Это было не похоже на Лену. Она никогда не писала «не злись». Она только огрызалась.

— Всё в порядке? — спросила Эмма, заметив его лицо.

— Дочь, — сказал он, пряча телефон. — У неё какие-то новости. Но я не хочу говорить о ней сегодня. Я хочу говорить о вас.

Эмма улыбнулась, но её улыбка была задумчивой. Она тоже смотрела на свой телефон, который мигнул беззвучно — сообщение от Феликса: «Мам, я хочу познакомить тебя со своей девушкой официально. Завтра. Ты не против? Она классная, ты ей понравишься. Не бойся. Я люблю тебя».

Она вздохнула и убрала телефон в сумочку.

— Дети, — сказала она, и в её голосе была та же смесь тепла и тревоги. — Они всегда выбирают идеальный момент, чтобы всё испортить.

Клаус усмехнулся.

— Выпьем за идеальные моменты? — предложил он, поднимая бокал с водой.

Она подняла свой.

— За те, которые мы создаём сами.

Они чокнулись, и в этот момент между ними проскочила искра — электрическая, настоящая. Клаус чувствовал, как её нога касается его ноги под столом. Не специально. Или специально. Ему было всё равно.

Он хотел её. Прямо сейчас. Среди итальянских свечей, дождя за окном и дешёвого красного вина, которое он заказал, чтобы казаться смелее.

А она хотела его. Потому что видела в нём то, что не видела ни в одном персонаже своих книг — правдивость.

Они не знали, что через несколько часов их миры столкнутся ещё сильнее. Что их дети — уже один мир. Но сейчас, в этом маленьком ресторане, они были только Клаусом и Эммой.

Два человека, которые боялись снова начать.

Но всё равно начинали.

Конец четвёртой главы.

Глава 5

Ресторан закрылся в половине одиннадцатого. Дождь к тому времени стих, но воздух остался влажным и холодным, как простое баварское дыхание.

Они вышли на пустую улицу, и Клаус застегнул куртку, глядя, как Эмма кутается в свой чёрный плащ. В свете фонарей её волосы блестели, и он снова подумал о том, что она не похожа ни на одну женщину, которую он знал.

— Я провожу вас, — сказал он, делая шаг вперёд. — У вас далеко?

— Через мост и направо, — ответила она, и её голос звучал мягче, чем в начале вечера. — Но я не хочу домой.

Он остановился. Посмотрел на неё.

— А куда хотите?

Она подошла ближе, и он почувствовал запах её духов — что-то цветочное, с ноткой ванили. Она подняла голову, заглянула ему в глаза.

— Помните, вы говорили, что ваша мастерская — ваше второе сердце? — спросила она. — Я хочу его увидеть. Настоящее. Не просто прилавки и принтеры.

Клаус моргнул. В мастерской был кавардак, на столе валялись детали, на полу — коробки. Но он не мог отказать ей. Не тогда, когда она стояла так близко, что он чувствовал тепло её тела сквозь мокрый воздух.

— Там грязно, — предупредил он.

— Я не боюсь грязи, — улыбнулась она. — Я писательница.

Он усмехнулся, взял её за руку и повёл через мост. Её пальцы оказались холодными, но он сжал их крепче, и она не выдернула. Всю дорогу они молчали. И это молчание было громче любых слов.

Мастерская встретила их тем же запахом озона, пыли и растворителя. Тусклая лампа над верстаком горела жёлтым светом, освещая хаос — платы, провода, старые мониторы, накопители, несколько перегоревших блоков питания, разобранный ноутбук, который Клаус так и не закончил.

Эмма медленно прошла по комнате, провела пальцем по стеллажу с деталями, остановилась у большого лазерного принтера, который стоял на отдельном столе — тот самый, который она приносила.

— Он работает идеально, — сказала она, поворачиваясь. — Я напечатала двадцать страниц без единой полосы. Вы — волшебник.

— Я просто ремонтник, — ответил Клаус, стоя у двери и не зная, куда деть руки.

Она подошла к нему. Медленно. Не сводя глаз.

— А хотите знать, что я написала сегодня? — спросила она, останавливаясь на расстоянии одного выдоха. — Прежде чем прийти сюда.

Он кивнул, чувствуя, как горло пересохло.

Она взяла его ладонь, приложила к своей груди — через тонкую ткань платья. Сердце билось быстро, ровно.

— Я написала, что героиня влюбилась в механика. И что она боится, что он не заметит.

Клаус не выдержал. Он накрыл её лицо ладонями, притянул к себе и поцеловал. Жёстко, жадно, вбирая её запах, её губ, её вкус. Она ответила сразу — открыто, без игры, и её руки запутались в его волосах на затылке.

Они оторвались друг от друга, тяжело дыша.

— Я заметил, — прошептал он. — Чёрт возьми, я заметил в ту секунду, когда ты впервые шагнула сюда.

— Тогда покажи мне, — сказала она, и её голос дрогнул. — Покажи, как ты это замечаешь.

Он снова поцеловал её, уже медленнее, развязывая пояс её плаща, стягивая его с плеч. Плащ упал на пол, и она осталась в одном чёрном платье с открытой спиной. Он провёл ладонью по её лопаткам, от шеи до поясницы, и она выгнулась, прижимаясь к нему.

— Ты уверена? — спросил он, хотя всё внутри кричало «нет».

Она прикусила его нижнюю губу, легонько, и прошептала:

— Всю жизнь я была уверена только в том, что пишу. Сейчас я не уверена ни в чём. И это самое лучшее чувство.

Он подхватил её за бёдра, посадил на край верстака — туда, где ещё валялись микро-схемы. Она смахнула их рукой, и они посыпались на пол сухим дождём. Принтер рядом мигнул зелёным индикатором — будто одобрял.

Клаус встал между её колен, расстегнул её платье — оно соскользнуло вниз, открывая плечи, грудь, живот. Он замер, глядя на неё. Она была красивой в своей наготе, с тонкой кожей, родинкой на ребре и шрамом от кесарева — бледная линия, которую он поцеловал, не спрашивая.

— Не смотри, — прошептала она, прикрываясь.

— Я только смотрю, — ответил он. — Ты пишешь романы, а я хочу запомнить каждую страницу.

Она дёрнула его за ремень, расстегнула пряжку, и он выдохнул, чувствуя, как её пальцы скользят по его коже. Холодные, но быстро нагревающиеся.

— Я хочу тебя, — сказала она. — Здесь. На твоём столе. Чтобы потом, когда я буду писать, я видела эту комнату и чувствовала тебя.

Он подчинился. Осторожно, но настойчиво, он вошёл в неё, и она застонала, запрокинув голову. Верстак скрипнул под их весом, детали звякнули на полу, лампа качнулась, отбрасывая длинные тени.

Она вцепилась в его плечи, царапая кожу ногтями, и он двигался медленно, глубоко, чувствуя каждое её дыхание, каждый толчок её бёдер навстречу.

— Я думал, — выдохнул он, уткнувшись лбом в её шею, — я думал, что больше не способен на это.

— На что? — прошептала она.

— Чувствовать.

Она сжала его сильнее, и он потерял контроль — ускорил ритм, и она закричала, не сдерживаясь, и он почувствовал, как её тело содрогнулось, увлекая его за собой.

Они замерли, запутавшись друг в друге, и единственным звуком в комнате был прерывистый шум их дыхания и тиканье старого будильника на полке.

Эмма первой нарушила тишину.

— Мой принтер, — сказала она хрипло, — точно запомнит этот вечер.

Клаус рассмеялся — глухо, уткнувшись в её шею.

— Если сломается, я починю.

Она погладила его седые виски, и он почувствовал, как её пальцы дрожат.

— Ты не просто ремонтник, Клаус. Ты тот, кто чинит души.

Он поднял голову, посмотрел в её серо-зелёные глаза и понял, что пропал. Окончательно. Бесповоротно.

— Я не умею говорить красиво, — сказал он. — Но я обещаю, что завтра приду к тебе. И послезавтра. Если ты позволишь.

Она улыбнулась, притянула его к себе и поцеловала — мягко, благодарно.

— Я позволю.

А через три квартала, на Оберштрассе, в комнате Феликса, Лена лежала на его груди и слушала, как бьётся его сердце. Они занимались любовью час назад, и всё ещё не хотели расставаться.

— Мой отец сегодня был странным, — сказала Лена, проведя пальцем по его ключице. — Он побрился. И ушёл в хорошем настроении.

Феликс приподнял бровь.

— Твой отец? Побрился? Это похоже на конец света.

— Я хотела сказать ему завтра, — призналась Лена. — О нас. Но потом испугалась.

— Давай скажем вместе, — предложил Феликс. — Моей маме и твоему отцу. Завтра вечером. Я уже написал ей.

Лена приподнялась на локте, встревоженно глядя на него.

— Ты уверен?

— Мы год вместе, — улыбнулся он. — Пора. Иначе они сами догадаются, а это будет хуже.

Лена вздохнула и снова легла на его грудь.

— Ладно. Завтра. Но если мой отец попытается тебя убить, я предупреждала.

Он поцеловал её в макушку.

— Договорились.

Они не знали, что в ту же минуту, за стенами их квартир, их родители уже перешли черту, из-за которой назад дороги не было. И что завтрашний ужин станет для всех четверых днём, который изменит всё.

А в мастерской Клаус и Эмма всё ещё сидели на полу среди микросхем, прижавшись друг к другу, и молчали. И этого молчания было достаточно.

Конец пятой главы.

Глава 6

Утро воскресенья началось для Клауса с боли в спине и запаха корицы.

Он открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где находится. Потолок мастерской — с пятнами от старой протечки, стеллажи с деталями, зелёный индикатор принтера, который мигал как живой. И тепло рядом. Он повернул голову.

Эмма спала на его груди, укрывшись его курткой. Волосы разметались по его руке, лицо расслабленное, без обычной писательской настороженности. Она выглядела моложе, почти беззащитной. Клаус смотрел на неё и чувствовал, как в груди разливается что-то тёплое — незнакомое, пугающе приятное.

Она пошевелилась, открыла глаза и посмотрела на него сонно.

— Ты ещё здесь, — сказала она тихо.

— Я никуда не уходил, — ответил он, проводя пальцами по её волосам.

— Хорошо. — Она прижалась к нему ближе, вдыхая его запах. — Я боялась, что это был сон.

— Я тоже боялся.

Они лежали молча, слушая, как за окном просыпается город — редкие машины, шаги прохожих, голос старухи, которая выгуливала таксу. Мир продолжал жить, а они — застряли в этом маленьком пространстве, где не было ни детей, ни долгов, ни прошлого.

— Клаус, — сказала Эмма, поднимая голову и глядя ему в глаза. — Мы должны рассказать им. Детям.

Он вздохнул. Он знал, что она права, но страх скрутил желудок.

— Моя дочь не знает, что я могу кого-то любить. Она думает, что я робот с паяльником.

— Ты не робот, — улыбнулась Эмма, касаясь его щеки. — Я это знаю. И она узнает.

Она села, натягивая платье, и Клаус залюбовался её спиной — тонкой, гибкой, с той родинкой, которую он целовал ночью.

— Ты не сказала мне, — вдруг спросил он, — как зовут твоего сына? Я знаю, что он музыкант, но имени ты не называла.

Эмма замерла на мгновение. Она знала, что её сына зовут Феликс, а дочь Клауса — Лена. И если она скажет правду сейчас, Клаус поймёт всё. Но она не была готова. Не сегодня. Не после той ночи.

— Феликс, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Его зовут Феликс.

— Хорошее имя, — кивнул Клаус. — Я хочу познакомиться с ним. Если ты не против.

— Я хочу, чтобы вы познакомились, — сказала она, и в этих словах была правда. Пока она не знала, как именно это произойдёт, но хотела, чтобы Клаус и её сын нашли общий язык.

Она встала, поправила платье, и Клаус подошёл к ней, обнял за талию.

— Тогда давай сегодня, — предложил он. — Пригласи их к нам. Вместе. Лена и твой Феликс. Мы скажем им, что встречаемся. Что это серьёзно.

Эмма почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Сегодня? — переспросила она.

— А чего ждать? — он пожал плечами. — Мы взрослые люди. Я не хочу прятаться. Я хочу, чтобы ты была в моей жизни. По-настоящему.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его — долгий, нежный поцелуй, который пах корицей из булочной напротив.

— Хорошо, — прошептала она. — Сегодня вечером. Я договорюсь с Феликсом. А ты — с Леной.

Они оделись, вышли из мастерской, и на пороге расстались — она повернула налево к Изару, он — направо к дому. И ни один из них не обернулся. Потому что боялся, что если увидит другого в свете утра, то не сможет отпустить даже на несколько часов.

— —

Клаус вошёл в квартиру и сразу услышал звук телевизора. Лена сидела на кухне, в пижаме с единорогом, пила чай и смотрела какой-то дурацкий сериал на планшете.

— Ты вернулся, — сказала она, не поднимая глаз. — Поздновато для клиента с сервером.

— Сервер был сложный, — буркнул Клаус, снимая куртку и вешая её на спинку стула. — Лена, нам надо поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.